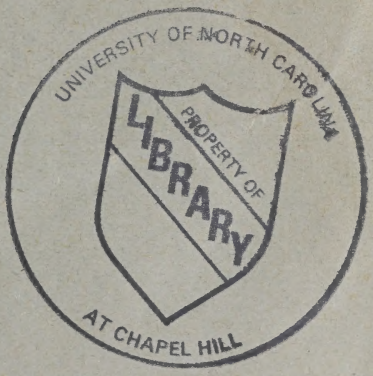
Р
89727

Фердинандъ Лассаль

ПРОГРАММА РАБОТНИКОВЪ



Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906—ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

2389 п/82

кол.-и 5

Фердинандъ Лассаль

HD4902
.L2917
1906

ПРОГРАММА РАБОТНИКОВЪ

PROGRAMMA RABOTNIKOV

Переводъ съ нѣмецкаго

3418

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1906.—ИЗДАНІЕ В. ВРУБЛЕВСКАГО

Типографія М. И. Акинфіева. Спб. Басковъ пер., 10.

Милостивые государи!

Для моего настоящаго доклада я выбралъ тему, вамъ особенно близкую и интересную, и постараюсь изложить ее *строго-научнымъ* образомъ. Темой моей рѣчи будетъ та связь, которая существуетъ между характеромъ переживаемаго нами историческаго момента и идеей *рабочаго класса*. Я буду, какъ уже говорилъ, разрабатывать эту идею съ научной точки зрѣнія, совершенно независимо отъ какого бы то ни было предвзятаго апріорнаго мнѣнія.

Въ силу подобнаго характера моей рѣчи я долженъ буду даже выяснить, что собственно я понимаю подъ терминомъ «рабочій» и «рабочій классъ». Даже значеніе такихъ обыденныхъ словъ мы не будемъ считать для себя заранѣе извѣстнымъ, ибо въ повседневной жизни одни подразумѣваютъ подъ ними одно, а другіе другое. Однако, еще раньше намъ придется отвѣтить на другой вопросъ.

Рабочій классъ есть только *одинъ* изъ многихъ классовъ и сословій, изъ коихъ слагается современное общество. Съ другой стороны, рабочіе существовали во всѣ времена. Какая же особенная связь можетъ существовать между идеей этого одного изъ классовъ людей и сущностью переживаемаго нами историческаго момента? Въ какомъ единственно смыслѣ мы эту связь можемъ понимать?

Для того, чтобы понять только-что высказанное нами положеніе, намъ надо обратиться къ *прошлому*, къ его *исторіи;* изученіе этого прошлаго и тутъ, какъ и всегда, если мы только правильно поймемъ то, что говоритъ исторія, раскроетъ намъ смыслъ настоящаго и дастъ возможность предугадать до извѣстной степени будущее.

Обстоятельства заставляютъ насъ быть весьма краткими, но обойтись безъ подобнаго обзора прошлаго все же нѣтъ возможности.

Начнемъ со среднихъ вѣковъ. Уже въ средніе вѣка гражданское общество дѣлилось на тѣ самые классы и сословія, изъ которыхъ оно состоитъ нынѣ, хотя они не имѣли нынѣшнихъ опредѣленныхъ границъ и очертаній. Господствующимъ въ средніе вѣка былъ *одинъ* классъ, классъ *землевладѣльцевъ*.

Этотъ классъ держалъ скипетръ; онъ отбрасывалъ характерную тѣнь свою на всѣ установленія, на *всю* жизнь того времени; *землевладѣніе* явилось господствующимъ началомъ той эпохи. Не трудно понять, на чемъ основывалось это господство. Все дѣло въ экономическихъ, хозяйственныхъ условіяхъ среднихъ вѣковъ, въ условіяхъ производства; можетъ быть, существовали и другія причины, но здѣсь для нашей цѣли вполнѣ достаточно указать на одну эту причину. Торговля въ средніе вѣка была развита мало, а промышленность и еще того меньше. *Земледѣльческое производство* было важнѣйшимъ источникомъ богатства средневѣковаго общества и по своему значенію оно сильно превышало всѣ прочіе источники. Гражданское право среднихъ вѣковъ, то право, которое всегда является наиболѣе вѣрнымъ выразителемъ экономическихъ отношеній эпохи, его создавшей, показываетъ, что сравнительно съ землевладѣніемъ движимая собственность не играла въ то время почти никакой роли.

Господство землевладѣнія создало организацію средневѣковой общественной власти, создало такъ называемое *ленное* устройство. Институтъ этотъ, какъ извѣстно, состоялъ въ томъ, что короли, князья и вообще владѣльцы земли уступали другимъ владѣльцамъ и рыцарямъ часть ея взамѣнъ клятвеннаго обѣщанія этихъ послѣднихъ нести дружинную службу, помогать своимъ леннымъ господамъ въ войнѣ и всякихъ враждебныхъ столкновеніяхъ лично и при помощи своихъ дружинъ.

Отъ той же самой причины зависитъ также и запрещеніе отчуждать семейное имущество безъ согласія наслѣдниковъ, предохранявшее «*вотчину*» отъ растраты и передававшее ее нетронутой изъ рода въ родъ. Подъ семейнымъ имуществомъ или «вотчиной» при этомъ понималась исключительно земля, и только земли касалось это запрещеніе, а движимое имущество рядомъ съ тѣмъ могло быть отчуждаемо совершенно безъ вѣдома наслѣдниковъ.

Старо-германское гражданское право разсматриваетъ *дви-*

жимость вовсе не какъ самостоятельный производительный имущественный фондъ или капиталъ, а приравниваетъ ее къ произведеніямъ земли, напр., къ годовому урожаю. Самостоятельнымъ производительнымъ имущественнымъ фондомъ у древне-германцевъ считалась только поземельная собственность. Въ полномъ соотвѣтствіи такому положенію вещей и его простымъ и непремѣннымъ слѣдствіемъ было то обстоятельство, что лица, владѣвшія землей по преимуществу, т. е., какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, дворяне и духовенство, во всѣхъ отношеніяхъ господствовали въ средневѣковомъ обществѣ. *Такое господство* мы найдемъ во *всякомъ* средневѣковомъ учрежденіи.

Бросимъ бѣглый взглядъ на нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій, на тѣ, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ, гдѣ господство землевладѣльческаго принципа проявилось особенно ярко.

Хорошимъ примѣромъ является организація государственной власти. Въ германскіе имперскіе сеймы своихъ представителей посылали князья, крупные землевладѣльцы и духовенство. Города, только такъ или иначе добившіеся привилегій вольныхъ имперскихъ городовъ, имѣли въ этихъ совѣтахъ представительство и пользовались правомъ голоса.

Прекрасное подтвержденіе нашей мысли мы видимъ въ *свободѣ крупнаго землевладѣнія отъ податей.* Какъ всегда бывало, есть и будетъ, привилегированное сословіе, господствующее въ данное время открыто или замаскированно, прямымъ или косвеннымъ путемъ сваливаетъ съ себя большую часть расходовъ на поддержаніе общественнаго современнаго строя и переноситъ ихъ на классы неимущіе и угнетенные. Въ 1641 году, напр., когда Ришелье пожелалъ наложить на духовенство чрезвычайный налогъ въ размѣрѣ шести милліоновъ франковъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, сенскій архіепископъ выразилъ мнѣніе всего духовенства слѣдующими характерными словами: «Въ церкви во времена ея полнаго разцвѣта существовалъ справедливый обычай, требовавшій, чтобы народъ жертвовалъ для государственныхъ нуждъ имущество, дворянство свою кровь, а духовенство приходило на помощь молитвами».

Укажемъ, наконецъ, на *пренебрежительное отношеніе* средневѣковаго общества ко всякому труду, исключая земледѣльческаго. Для обоихъ привилегированныхъ и господствующихъ сословій—дворянства и духовенства—считалось позор-

нымъ и безчестнымъ зарабатывать деньги торговлей или промышленностью,—имъ приличествовало единственно всѣми путями добывать доходы изъ земельной собственности.

Приведенныхъ фактовъ, по нашему мнѣнію, достаточно, чтобы считать доказаннымъ, что въ средніе вѣка землевладѣніе было господствующимъ факторомъ въ общественныхъ отношеніяхъ и клало на все свой собственный отпечатокъ. Это первенствующее значеніе землевладѣнія настолько сильно, что именно оно, а не что другое было стимуломъ того движенія, которое въ 1524 году вспыхнуло въ Германіи и охватило всю Швабію, Франконію, Эльзасъ, Вестфалію и другія области подъ видомъ крестьянскихъ войнъ. Движеніе это по внѣшнему виду казалось *революціоннымъ*, но по своему смыслу было, въ сущности говоря, совершенно *реакціоннымъ*. Что въ самомъ дѣлѣ хотѣли ввести въ государственныя отношенія крестьяне? Они желали уничтожить привилегированное положеніе различныхъ владѣтельныхъ князей, составлявшихъ какой-то промежуточный между императоромъ и государствомъ слой, и для этого предполагали ввести въ имперскіе сеймы наряду съ представительствомъ владѣющихъ землей благородныхъ сословій, т.-е. тѣхъ же князей и графовъ, также и представительство классовъ крестьянскаго и рыцарскаго, не участвовавшихъ до этого времени въ сеймахъ совершенно,—словомъ, представительствомъ въ сеймахъ, по мнѣнію возставшихъ крестьянъ, должны были пользоваться всѣ участники *независимаго землевладѣнія*. Прежнія отличія благородныхъ классовъ больше не должны были приниматься во вниманіе, и землевладѣльцы-дворяне должны были пользоваться такимъ же и на тѣхъ же основаніяхъ представительствомъ, такъ и крестьянскій, также землевладѣльческій классъ.

Очевидно отсюда, что крестьянскія войны въ концѣ концовъ вели исключительно къ еще болѣе строгому проведенію уже ранѣе существовавшаго принципа, составлявшаго основу приходившей къ концу эпохи, а именно принципа, что землевладѣніе должно быть господствующимъ элементомъ и тѣмъ обязательнымъ условіемъ, помимо котораго для члена извѣстнаго общества или государства нѣтъ участія въ управленіи этимъ обществомъ или государствомъ. Вся разница была въ томъ, что принципъ этотъ проводился болѣе послѣдовательно, правомѣрно и справедливо. Крестьянамъ того времени не приходила въ голову возможность для каждаго, вовсе не будучи

землевладѣльцемъ, требовать участія во вліяніи на государственную жизнь единственно потому, что онъ человѣкъ, что онъ существо разумное. Средневѣковыя общественныя отношенія для подобнаго заключенія были еще недостаточно развиты, а общее направленіе мышленія крестьянъ недостаточно революціонно.

Такимъ образомъ, въ крестьянскихъ войнахъ мы имѣемъ движеніе революціонное только съ перваго поверхностнаго взгляда, а въ своей сущности совершенно реакціонное: движеніе это, само того не сознавая, клало въ свою основу вмѣсто какого-нибудь новаго революціоннаго принципа принципъ устарѣвшій, принципъ строя отмирающаго, принципъ исторической эпохи, клонившейся уже къ упадку; только оттого и разбито было это крестьянское движеніе, что оно было революціоннымъ только по своей внѣшности, а не по внутреннему содержанію.

И крестьянское движеніе, и возстаніе дворянъ подъ предводительствомъ Франца фонъ-Сикенгена имѣли въ основѣ одинъ и тотъ же принципъ — еще рѣзче, чѣмъ прежде, поставить участіе въ управленіи государствомъ въ зависимость отъ землевладѣнія. Владѣтельные князья, въ противоположность дворянству и крестьянству, являлись носителями идеи государственной власти, не находящейся въ зависимости отъ землевладѣнія; они являлись поборниками государственной идеи, независимой отъ частныхъ имущественныхъ отношеній. Въ идеалахъ владѣтельныхъ князей, такимъ образомъ, было нѣчто справедливое и революціонное, и въ этомъ была ихъ нравственная сила, это главнымъ образомъ сдѣлало ихъ побѣдоносными и помогло подавить возстанія.

Я, можетъ быть, слишкомъ долго остановился на вышеизложенномъ, но сдѣлалъ это съ умысломъ; я желалъ показать вамъ, м. г., разумность и прогрессъ свободы въ историческомъ развитіи на такомъ примѣрѣ, который при поверхностномъ взглядѣ ничего подобнаго, казалось, показать не можетъ; я хотѣлъ далѣе разсѣять заблужденія историковъ, которые, обманутые внѣшностью, видятъ въ крестьянскихъ войнахъ революціонное движеніе и далеки отъ мысли признать за ними реакціонный характеръ, между тѣмъ какъ именно онъ и служилъ главной причиной неудачи этого крестьянскаго движенія. Во всѣ времена можно наблюдать, что умы, не отличающіеся ясностью мышленія,—а это качество далеко не всегда

присуще даже самымъ образованнымъ людямъ и извѣстнѣйшимъ профессорамъ,—впадаютъ въ ничѣмъ не объяснимое заблужденіе и принимаютъ болѣе послѣдовательное и очищенное отъ всего посторонняго выраженіе какого-либо принципа доживающаго историческаго періода или пережившаго свой вѣкъ учрежденія за новую, революціонную идею.

Отъ такихъ недальнозоркихъ людей и отъ идей, революціонныхъ только въ ихъ воображеніи, я, м. г., желалъ бы васъ предостеречь; вы съ ними встрѣчались часто въ прошломъ и будете встрѣчаться не рѣже въ будущемъ.

Приходится находить утѣшеніе лишь въ томъ, что многія изъ извѣстныхъ намъ въ исторіи общественныхъ движеній, имѣвшія кратковременный успѣхъ или вовсе его не имѣвшія и посему внушающія поверхностнымъ друзьямъ народа чувство тревожнаго опасенія за судьбу вообще революціонныхъ движеній, на дѣлѣ всегда оказывались движеніями не революціонными, а реакціонными.

Всякій глубокій изслѣдователь исторіи можетъ, къ своему удовольствію, убѣдиться при внимательномъ и вдумчивомъ ея изученіи, что истинное революціонное движеніе, т. е. движеніе, въ основу котораго положена новая руководящая идея, никогда не оказывалось побѣжденнымъ, по крайней мѣрѣ на продолжительное время.

Вернемся, однако, къ предмету нашей бесѣды.

Крестьянскія войны были революціонными лишь по внѣшности; напротивъ того, истинно революціоннымъ характеромъ отличался прогрессъ промышленности, прогрессъ капиталистическаго производства, все болѣе и болѣе опредѣлявшееся раздѣленіе труда и прямое его послѣдствіе—накопленіе крупныхъ капиталовъ въ рукахъ буржуазіи, какъ того класса, который сталъ во главѣ организаціи производства и присвоилъ себѣ всѣ его выгоды.

Перейдемъ теперь къ исторіи новой. Началомъ этой исторической эпохи принято считать 1517 годъ, т.-е. начало реформаціи. Такое представленіе оправдывается тѣмъ, что, дѣйствительно, начиная съ этого года въ теченіе двухъ столѣтій совершалась незамѣтно эволюція, совершенно измѣнившая внѣшній видъ общества и произведшая внутри его цѣлый переворотъ. Позднѣе въ 1789 году произошедшая уже въ обществѣ перемѣна была только провозглашена французской революціей, а вовсе не создана, какъ это можетъ сразу показаться.

Въ чемъ же состояла эта эволюція?

Правовое положеніе дворянства по видимости совершенно не измѣнилось. И оно, и духовенство юридически остались привилегированными, господствующими классами, а буржуазія по прежнему принижалась и угнеталась. Но это только *юридически, фактически* же въ общественныхъ отношеніяхъ между различными классами произошла огромная перемѣна.

Буржуазія вызвала къ жизни и накопила капиталъ — собственность, въ противоположность землѣ, движимую; сила новаго капитала лишила дворянство его прежняго значенія и поставила его въ принудительную зависимость отъ разбогатѣвшей буржуазіи. Дворянство могло удержаться на той же высотѣ положенія наряду съ буржуазіей только отреченіемъ отъ своихъ сословныхъ предразсудковъ и извлеченіемъ доходовъ изъ той же промышленности, что доставило богатство и силу буржуазіи.

Мольеръ, жившій въ эпоху Людовика четырнадцатаго, даетъ любопытную картину нравовъ того времени: родовое дворянство, презирая богатое мѣщанство, живетъ, однако, на его счетъ и лицемѣрно подбираетъ крохи, падающія съ его пиршественнаго стола. Да что говорить о дворянствѣ, когда самъ Людовикъ четырнадцатый, этотъ надменнѣйшій король, благосклонно принимаетъ у себя въ блестящемъ версальскомъ дворцѣ еврея Самуила Бернара, бывшаго Ротшильдомъ своего времени, и различнаго рода учтивостями и угожденіями старается вырвать у него согласіе на необходимый для королевской власти заемъ.

Извѣстный шотландскій финансистъ Ло въ началѣ восемнадцатаго вѣка учредилъ во Франціи такъ называемую торговую компанію, бывшую не чѣмъ инымъ, какъ акціонернымъ обществомъ для торговой эксплоатаціи Миссисипи, Луизіаны, Остъ-Индіи и другихъ странъ; самъ регентъ французскаго престола не погнушался занять въ этой компаніи мѣсто одного изъ директоровъ, сдѣлавшись, такимъ образомъ, членомъ купеческаго сословія. Въ августѣ 1717 года тотъ же регентъ издалъ указъ, коимъ дворянамъ разрѣшалось поступать на военную и морскую службу къ торговой компаніи, такъ какъ служба эта ничуть не роняетъ дворянскаго достоинства. Гордое и воинственное феодальное французское дворянство, такимъ образомъ, уже въ это время превратилось въ вооруженнаго приказчика промышленныхъ и торговыхъ

предпріятій мѣщанства, понемногу заполонившихъ весь свѣтъ.

Рядомъ съ подобнымъ переворотомъ и въ полномъ съ нимъ соотвѣтствіи совершалось развитіе матеріализма, жадной, безумной погони за богатствомъ, деньгами и сокровищами; богатству въ жертву приносились не только всѣ моральныя идеи, но даже и болѣе, къ сожалѣнію, для привилегированныхъ сословій дорогіе предразсудки и привилегіи. Дамы общества, по свидѣтельству герцогини Орлеанской, не гнушались гоняться за Ло и разговаривать съ нимъ при отправленіи имъ своихъ естественныхъ надобностей, лишь бы выпросить у него нѣсколько акцій торговой компаніи, акцій, за которыми во Франціи всѣ гонялись и которыя на биржѣ продавались разъ въ шесть, восемь дороже номинальной ихъ стоимости.

Мнѣ надо было бы несравненно больше времени, чѣмъ то, которымъ я располагаю, чтобы выяснить вамъ, почему стало возможнымъ такое развитіе промышленности и скопленіе богатствъ въ немногихъ рукахъ. Я бѣгло могу только перечислить существеннѣйшія изъ причинъ, вызвавшихъ подобную перемѣну въ общественномъ строѣ. Этой эволюціи способствовали: открытіе Америки и вмѣстѣ съ тѣмъ новыхъ рынковъ; открытіе морского пути въ Индію вокругъ Африки и мимо мыса Доброй Надежды, вмѣсто прежняго караваннаго пути черезъ Суэцъ; изобрѣтеніе магнитной стрѣлки и компаса, уменьшившее рискъ морскихъ путешествій и понизившее страховую премію; проведеніе внутри государства шоссейныхъ дорогъ и каналовъ, удешевившихъ стоимость перевозки и позволившихъ отправлять на отдаленные рынки товары, ранѣе перевозки не окупавшіе; упорядоченіе судебнаго устройства и большая отсюда безопасность въ гражданскихъ отношеніяхъ; изобрѣтеніе пороха, помогшее королевской власти одержать побѣду надъ феодальнымъ дворянствомъ; разрушеніе феодальныхъ замковъ и запрещеніе феодаламъ держать свои дружины, причемъ распущеннымъ изъ этихъ дружинъ солдатамъ не оставалось ничего другого, какъ искать заработка въ какихъ-либо мастерскихъ. Всѣ эти событія, а также и многія другія, нами не упомянутыя, способствовали тріумфу буржуазіи и вели къ *одному и тому же* важному слѣдствію: открытіе *крупныхъ рынковъ* сбыта, сокращеніе издержекъ производства и перевозки создали массовое производство, производство не для удовлетворенія частныхъ надобностей, болѣе

или менѣе хорошо учитываемыхъ, а производство для *всемірнаго* рынка; этотъ измѣнившійся характеръ производства вызвалъ потребность въ *удешевленіи* продукта, въ *удешевленіи* производства, а оно могло быть достигнуто исключительно при сколь возможно строгомъ проведеніи *раздѣленія* труда; раздѣленіе труда въ свою очередь позволяетъ производству принять все болѣе и болѣе крупные размѣры.

Мы имѣемъ, м. г., такимъ образомъ, здѣсь цѣлый рядъ сплетающихся между собою факторовъ. Каждый изъ нихъ служитъ причиной возникновенія другого, но этотъ послѣдній въ свою очередь, возникнувъ, начинаетъ оказывать вліяніе на факторъ, вызвавшій его къ жизни, и усиливаетъ его значеніе.

Всего лучше уясняется это конкретнымъ примѣромъ: производить какой-либо продуктъ для мірового рынка въ громадномъ количествѣ можно только при условіи невысокихъ издержекъ производства и стоимости перевозки, не ложащейся слишкомъ большимъ накладнымъ расходомъ на товаръ. Что это такъ, вполнѣ понятно, ибо массовое производство требуетъ и массоваго сбыта, а таковой возможенъ только при дешевой цѣнѣ на продуктъ производства, дѣлающей его доступнымъ большому количеству покупателей. Низкія издержки производства и дешевый фрахтъ, такимъ образомъ вызываютъ массовое производство извѣстнаго товара. Но съ другой стороны не менѣе понятно, что массовое производство какого-либо продукта позволяетъ продавать его дешево. Такъ, напр., фабрикантъ, сбывающій ежегодно 200.000 штукъ миткаля, можетъ продавать каждую штуку значительно дешевле, нежели фабрикантъ, годовое производство котораго не превосходитъ 5.000 штукъ; первый фабрикантъ выгадываетъ на стоимости сырого матеріала, обходящагося ему при закупкѣ большими количествами дешевле, нежели второму, проценты на затраченный на зданія и машины капиталъ ложатся для него меньшимъ бременемъ на каждую штуку товара, распредѣляясь между большимъ ихъ числомъ, и чистая прибыль въ отношеніи къ основному капиталу у него выше. Удешевленіе производства, развивая сбытъ, ведетъ всегда къ его еще большему расширенію и тѣмъ самымъ еще понижаетъ цѣну на вырабатываемый продуктъ; новое удешевленіе вызываетъ снова расширеніе производства, отсюда опять еще дальнѣйшее удешевленіе продукта, новое расширеніе и т. д. То же самое можно повторить и относительно *раздѣленія труда*; осуществленіе

его въ широкой степени возможно только при массовомъ производствѣ дешеваго товара; а массовое производство и дешевизна въ сильной степени зависятъ, именно, отъ раздѣленія труда.

Раздѣленіе труда состоитъ въ томъ, что изготовленіе извѣстнаго продукта разбивается на рядъ чрезвычайно простыхъ операцій, исполняемыхъ рабочими безъ напряженія ума, чисто механически, а потому и быстро; оно совершенно немыслимо не при массовомъ производствѣ; только это послѣднее его вызываетъ къ жизни, но затѣмъ уже само раздѣленіе труда способствуетъ дальнѣйшему расширенію именно массового производства. Разложеніе работы, затрачиваемой на производство какого-либо продукта, на очень простыя операціи, выполняемыя отдѣльными рабочими, съ одной стороны удешевляетъ все производство продукта, съ другой—позволяетъ въ то же время, при томъ же постоянномъ капиталѣ, производить его все въ большихъ и большихъ количествахъ, въ расчетѣ уже не на сосѣдніе только потребительные рынки, а на рынокъ міровой торговли; увеличеніе производства и удешевленіе вырабатываемаго продукта ведетъ къ необходимости и возможности еще дальнѣйшаго раздѣленія труда.

Вотъ благодаря цѣлому ряду подобныхъ взаимодѣйствій и произошелъ переворотъ въ характерѣ общественнаго труда и непосредственно отъ него зависящихъ общественныхъ отношеній. Переворотъ этотъ будетъ намъ ясенъ изъ слѣдующаго сопоставленія.

Въ средніе вѣка только немногія произведенія промышленности, исключительно болѣе или менѣе цѣнные товары, могли выдерживать дорого стоящую перевозку; производство всюду работало на удовлетвореніе нуждъ мѣстнаго, ближайшаго населенія, районъ сбыта былъ ограниченъ, а потому хорошо извѣстенъ; промышленность имѣла дѣло съ опредѣленными и неизмѣнными требованіями постоянныхъ покупателей. Потребность или спросъ предшествовали производству или предложенію и опредѣляли и его характеръ, и его размѣръ. Общественное производство въ это время имѣло по преимуществу ремесленный характеръ, ибо ремесленное производство отличается отъ фабрично-заводскаго именно тѣмъ, что выжидаетъ спроса и при его отсутствіи прекращаетъ производство. Портной не станетъ шить сюртука, а слесарь дѣлать замка, пока не получатъ на эти предметы заказа, а если по свойству продукта его и приходится работать впередъ, про запасъ, то

ремесленникъ готовитъ его всегда, во-первыхъ, въ весьма ограниченномъ количествѣ, а во-вторыхъ, имѣя въ виду совершенно опредѣленный и хорошо ему изъ практики наблюденій извѣстный спросъ мѣстныхъ, сосѣднихъ потребителей, спросъ, который долженъ наступить въ ближайшемъ будущемъ; жестяникъ, напр., можетъ въ свободное отъ исполненія заказовъ время изготовить нѣсколько лампъ про запасъ, зная, что онѣ скоро понадобятся на удовлетвореніе потребностей жителей того же города, гдѣ онъ живетъ самъ.

Общество, въ которомъ господствуетъ ремесленный способъ производства, несомнѣнно будетъ характеризоваться бѣдностью или по меньшей мѣрѣ малымъ достаткомъ своихъ членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ такомъ обществѣ должна быть достаточно высокая прочность и устойчивость во взаимныхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Мало-по-малу то другъ за друга непрерывно цѣпляющееся взаимодѣйствіе, которое мы выше очертили, придало общественному труду и стоящимъ за нимъ общественнымъ отношеніямъ совершенно противоположный характеръ; организація общественнаго труда, которая характерна для нашего времени таилась давно въ зачаточной формѣ, а затѣмъ развилась и достигла колоссальнаго развитія и отличается, въ противоположность прежнему строю, слѣдующими типическими особенностями. Прежде спросъ предшествовалъ предложенію, т.-е. производству, управлялъ имъ, давалъ ему направленіе и опредѣлялъ размѣры; теперь предложеніе, производство предшествуетъ спросу и всячески старается его вызвать. Производство, вырабатывая свой продуктъ, не имѣетъ уже въ виду только какой-нибудь опредѣленный, близъ лежащій районъ, не удовлетворяетъ совершенно опредѣленныя его потребности, а работаетъ на *міровой рынокъ*. Прежде производство опредѣлялось величинами, ему болѣе или менѣе извѣстными, а теперь оно имѣетъ въ виду величины, совершенно не поддающіяся точному учету, каковыми являются потребности всемірнаго рынка и потребленіе даннаго продукта по всему свѣту; продуктъ долженъ не только удовлетворять существующей потребности, но и вызывать ее, а вызывать онъ можетъ единственно при помощи одного непремѣннаго условія—*дешевизны. Дешевизна* служитъ для продукта оружіемъ и оборонительнымъ и наступательнымъ; она завоевываетъ покупателя и прогоняетъ съ поля битвы или конкуренціи всѣ другіе товары подобнаго же

рода, также ищущіе выхода къ покупателю; при свободной конкуренціи производитель, какую бы онъ массу продукта ни производилъ, можетъ разсчитывать на сбытъ всего товара, если ему только удастся сдѣлать его дешевымъ и убить этимъ предложенія своихъ соперниковъ.

Отличительными чертами общества, эволюціонировавшагося до развитія крупныхъ производствъ, являются колоссальное, неизмѣримое богатство, неравномѣрное распредѣленіе прибылей производства между отдѣльными участвующими въ немъ лицами и опасеніе отдѣльныхъ лицъ за прочность ихъ привилегированнаго положенія.

Вотъ, м. г., каковы были результаты молчаливой революціонной работы промышленности въ самомъ обществѣ къ концу восемнадцатаго столѣтія.

Во времена крестьянскихъ войнъ люди не представляли себѣ иного строя государства, кромѣ основаннаго на *землевладѣніи;* даже въ мысляхъ они не могли освободиться отъ воззрѣнія, что *землевладѣніе* неизбѣжно должно быть господствующимъ элементомъ въ государствѣ, и что для участія въ государственномъ управленіи владѣніе землей является необходимѣйшимъ условіемъ. Черезъ два столѣтія незамѣтнымъ, но революціоннымъ путемъ промышленность привела общество къ тому, что землевладѣніе совершенно лишилось своего преобладающаго значенія и стало играть вполнѣ второстепенную роль наряду съ тѣмъ необъятнымъ вліяніемъ, которое стало оказывать на всѣ классы населенія, въ томъ числѣ и на обѣднѣвшее дворянство, и на всѣ общественныя отношенія постепенно все болѣе накопляемое при помощи новыхъ способовъ производствъ богатство.

Революція внутри самаго общества, такимъ образомъ, наступила гораздо раньше, чѣмъ она вырвалась наружу во Франціи; совершившемуся перевороту оставалось получить *формальное признаніе, правовую санкцію.*

Сказанное нами примѣнимо ко *всѣмъ* вообще *революціямъ. Революцію сдѣлать нѣтъ возможности;* можно только *упорядочить* теченіе революціоннаго движенія, естественно возникшаго въ общественныхъ отношеніяхъ, можно *санкціонировать* ея проявленія и результаты.

Стремиться сдѣлать революцію могутъ только люди незрѣлые, необразованные, незнакомые съ основными историческими законами!

Точно такую же, однако, незрѣлость и наивность проявляютъ и тѣ, кто полагаетъ возможнымъ остановить уже начавшееся въ обществѣ революціонное движеніе, кто сопротивляется ему или осуждаетъ лицъ, помогающихъ правильному его теченію. Разъ революція проникла внутрь общества и въ немъ укрѣпилась, она, несмотря ни на какія препятствія, выйдетъ наружу и будетъ формально узаконена.

Я поясню вамъ, м. г., сейчасъ все это на примѣрѣ.

Вы помните, конечно, что раздѣленіе труда состоитъ изъ разложенія процесса производства на рядъ послѣдовательныхъ простыхъ механическихъ манипуляцій, не требующихъ помощи разума. Чѣмъ дальше и послѣдовательнѣе проводилось такое разложеніе процесса производства, тѣмъ чаще людямъ стало приходить въ голову, что отдѣльныя, не требующія помощи разума операціи могутъ выполняться не только не хуже, а, пожалуй, даже лучше не людьми, а неодушевленными механизмами; уже въ 1775 году, т.-е. за 14 лѣтъ до великой французской революціи, англичанинъ Аркрайтъ изобрѣлъ прядильную машину. Машина эта, изобрѣтенная слишкомъ не задолго передъ революціей и къ тому же введенная во Франціи далеко не тотчасъ по изобрѣтеніи, непосредственной революціи не вызвала, но она ее, безъ сомнѣнія, воплощала, она указывала на то, что революція внутри общества уже совершена.

Не трудно понять, почему мы это утверждаемъ.

Средневѣковое производство развивалось при цеховомъ строѣ, о которомъ вы, вѣроятно, слыхали. Я лишенъ возможности входить здѣсь въ подробности относительно сущности какъ этого строя, такъ и наступившей послѣ французской революціи свободной конкуренціи. Я ограничусь только указаніемъ, которое вамъ придется принять на вѣру, что средневѣковые цехи были нераздѣльно связаны со всѣми прочими средневѣковыми учрежденіями. Фактъ существованія подобной нераздѣльной связи, впрочемъ, можетъ быть мною доказанъ исторически. Цехи существовали въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, вплоть до французской революціи. Въ 1674 году на нѣмецкомъ имперскомъ сеймѣ безрезультатно подымался вопросъ объ ихъ уничтоженіи, въ 1614 г. французская буржуазія требовала того же и также безрезультатно въ собраніи представителей всѣхъ сословій, въ генеральныхъ штатахъ; требованія свои буржуазія мотивировала повсемѣстно ска-

завшимся вліяніемъ цехового устройства, задерживающимъ развитіе производства. Но и этого мало, — за тринадцать лѣтъ всего до революціи, въ 1776 году извѣстный своими реформами французскій министръ Тюрго попробовалъ уничтожить цехи; феодальный средневѣковый привилегированный классъ тотчасъ же рѣшилъ, что это уничтоженіе грозитъ ему смертельною опасностью, ибо, хотя и не для него самого, а для другого класса отмѣняетъ привилегіи, жизненный принципъ, проникавшій во всѣ слои тогдашняго общества, и не прошло съ отмѣны цеховъ шести мѣсяцевъ, какъ дворянству удалось убѣдить короля взять назадъ свой указъ и снова возстановить цеховыя привилегіи. Только революціи въ одинъ день взятіемъ Бастиліи удалось ниспровергнуть то, что законнымъ путемъ не могло быть уничтожено во Франціи съ 1614, а въ Германіи съ 1672 года, т.-е. въ теченіе *двухъ столѣтій*. Отсюда, м. г., можно сдѣлать прямой и непосредственный выводъ: путь законныхъ реформъ при всѣхъ своихъ преимуществахъ имѣетъ одно важное неудобство: онъ очень медленъ и зачастую въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не даетъ никакихъ результатовъ. Революціонный путь, безъ всякаго сомнѣнія, связанъ съ многочисленными немаловажными неудобствами, но зато за него говоритъ то, что онъ быстро приводитъ къ достиженію практической, непосредственной цѣли.

Не знаю, достаточно ли вы прониклись убѣжденіемъ, что цехи неразрывно связаны съ самою сущностью строенія средневѣковаго общества; если прониклись, то вамъ сейчасъ сдѣлается яснымъ, почему вновь изобрѣтенная машина, о которой мы говорили, машина Аркрайта, носила въ себѣ полный переворотъ всего общественнаго строя.

Было ли въ самомъ дѣлѣ возможно машинное производство, требующее не разграниченія, а, напротивъ, соединенія разнообразныхъ операцій и работъ подъ руководствомъ одного и того же капитала, было ли оно, говоримъ, возможнымъ при цеховомъ строѣ, когда законъ устанавливалъ для каждой мѣстности число учениковъ и подмастерій, которыхъ мастеръ могъ занимать у себя въ мастерской, когда законъ же строжайшимъ образомъ стремился раздѣлить однѣ отрасли производства отъ другихъ и когда, напр., парижскіе портные вели столѣтніе процессы съ заплаточниками, а кузнецы со слесарями изъ-за опредѣленія границъ своего ремесла?

Само производство постепенно, шагъ за шагомъ, но въ то же время и непрерывно вырабатывало такія орудія и способы производства, которые не могли ужиться со старымъ укладомъ и неминуемо должны были его ниспровергнуть.

Вотъ въ какомъ смыслѣ я называю первую изобрѣтенную рабочую машину для массоваго производства революціей. Ничѣмъ не выдавая этого своимъ внѣшнимъ видомъ, она носила въ своихъ механизмахъ зародышъ новаго общественнаго уклада, и укладъ этотъ въ силу своей жизненности и назрѣвшей въ немъ необходимости неминуемо долженъ былъ изъ этого зародыша развиться.

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и въ настоящее время существуетъ не мало такихъ явленій, которыя носятъ въ себѣ зародышъ новаго порядка вещей и неизбѣжно послужатъ началомъ для ихъ развитія; при поверхностномъ взглядѣ въ этихъ явленіяхъ нельзя открыть ничего подозрительнаго, и предержащая власть, занимающаяся сыскомъ по поводу самыхъ безобидныхъ агитаторовъ, не только проходитъ мимо этихъ явленій, но даже считаетъ ихъ неизбѣжной принадлежностью высшей культуры, ея опорой, ея украшеніемъ и въ торжественныхъ рѣчахъ произноситъ имъ панегирики.

Э/118

Послѣ всего вышеизложеннаго вамъ, м. г., полагаю, будетъ понятно истинное значеніе знаменитой брошюры аббата Сійеса, изданной имъ за годъ до французской революціи, въ 1788 году. Содержаніе этой брошюры можетъ быть резюмировано такъ: «Qu'est ce que c'est que le tiers état? — Rien! — Q'est ce qu'il doit être? — Tout!» (Что такое третье сословіе? — Ничто. — Чѣмъ оно должно быть? — Всѣмъ).

Третьимъ сословіемъ во Франціи называли буржуазію, такъ какъ она въ генеральныхъ штатахъ входила въ то третье, противоположное первыхъ двумъ—дворянству и духовенству—сословіе, которое обнимало всѣ непривилегированные классы французскаго народа.

Итакъ, содержаніе брошюры Сійеса резюмируется двумя вопросами и отвѣтами на нихъ: «Что такое третье сословіе?—Ничто.—Чѣмъ оно должно быть?—Всѣмъ».

Такова точная формулировка Сійеса. На основаніи изложеннаго выше точнѣе было бы то же самое выразить нѣсколько иначе. «Что такое третье сословіе фактически, на самомъ дѣлѣ?—Все.—Что такое оно юридически, по праву?—

Ничто». Задача состояла въ томъ, чтобы привести въ соотвѣтствіе правовое положеніе третьяго сословія съ положеніемъ, фактически имъ въ общественномъ укладѣ занимаемымъ, чтобы признать и санкціонировать правовымъ порядкомъ дѣйствительно, на дѣлѣ этимъ сословіемъ пріобрѣтенное значеніе. Къ этому сводилась роль великой французской революціи, вспыхнувшей въ 1789 году и не оставшейся безъ преобразовательнаго вліянія и на другія страны Европы.

Я не буду излагать здѣсь полную и подробную исторію французской революціи. Изъ-за недостатка времени я могу лишь намѣтить важнѣйшіе поворотные пункты различныхъ періодовъ общественнаго развитія, да и то очень и очень бѣгло.

Прежде всего надо разсмотрѣть вопросъ, чѣмъ по существу было третье сословіе или буржуазія во Франціи, та самая буржуазія, которая при помощи революціи одержала побѣду надъ привилегированными классами и создала себѣ первенствующее положеніе въ государствѣ?

Это третье сословіе противопоставлялось привилегированнымъ классамъ общества, надѣленнымъ разнообразными преимуществами по закону; въ силу этого обстоятельства оно само считало себя вначалѣ ничѣмъ не выдѣляющимся отъ *всего* народа и свое дѣло дѣломъ *всего народа*, *всего* даже *человѣчества*. Это сознаніе вызывало въ буржуазіи благородное, могучее воодушевленіе. Революція провозгласила не права одного какого-либо сословія, а *права человѣка* вообще, и, казалось, съ освобожденіемъ третьяго сословія рухнули вообще всякія сословныя привилегіи, всякія правовыя отличія, всякаго рода *юридическія преимущества* однихъ людей передъ другими; всѣ эти несправедливыя неравенства, казалось, при господствѣ третьяго сословія должны были исчезнуть, раствориться въ общей свободѣ всѣхъ людей безъ различія ихъ общественнаго положенія.

Были, правда, и тогда въ самомъ началѣ движенія люди, не смотрѣвшіе такъ оптимистически на вещи. Въ апрѣлѣ 1789 года королемъ были собраны генеральные штаты, и въ нихъ должно было собраться столько представителей отъ третьяго сословія, сколько отъ дворянства и духовенства вмѣстѣ; по поводу такого распредѣленія количества выбранныхъ отъ сословій одинъ изъ современныхъ, и притомъ вовсе не революціонныхъ листковъ написалъ: «Кто можетъ пре-

дугадать, не замѣнитъ ли мнимую аристократію дворянства деспотизмъ буржуазіи?» Такой сомнѣвающійся, скептическій голосъ, однако, вовсе не былъ слышенъ на фонѣ всеобщаго ликованія.

Посмотримъ, однако, не ошибочно ли считать дѣломъ *всего* человѣчества дѣло *третьяго* сословія; не входило ли въ составъ третьяго сословія еще сословіе *четвертое*, и не приходилось ли буржуазіи юридически отъ него обособиться и себѣ его подчинить?

Въ настоящую минуту будетъ умѣстно сдѣлать небольшое отступленіе и ради избѣжанія недоразумѣній объяснить, что именно я понимаю подъ словомъ *буржуазія*. Слово «*буржуазія*» можно было бы всего точнѣе перевести словомъ «граждане». Но я употребляю его не въ этомъ смыслѣ; гражданами являемся мы всѣ, безъ различія общественнаго положенія, гражданинъ можетъ быть рабочимъ, капиталистомъ, мѣщаниномъ, дворяниномъ и т. д. Подъ буржуазіей я понимаю *политическую партію* съ вполнѣ опредѣленнымъ направленіемъ. Направленіе это я попробую сейчасъ вкратцѣ выяснить.

Не только въ моментъ революціи, но и теперь всѣ граждане, не принадлежащіе къ привилегированнымъ сословіямъ, могутъ быть подраздѣлены въ общемъ на *два* подкласса. Первый изъ этихъ подклассовъ собираетъ въ одно цѣлое всѣхъ лицъ, извлекающихъ доходъ и живущихъ исключительно или *по преимуществу* собственнымъ своимъ трудомъ; капитала у нихъ нѣтъ вовсе или они имъ обладаютъ въ такомъ незначительномъ размѣрѣ, что онъ даетъ имъ лишь возможность заниматься тѣмъ или инымъ производствомъ, которое и прокармливаетъ ихъ и ихъ семью; этотъ подклассъ, такимъ образомъ, обнимаетъ всѣхъ рабочихъ, мелкихъ буржуа, ремесленниковъ и почти всѣхъ крестьянъ. Во второй подклассъ входятъ лица, обладающія крупнымъ имуществомъ, крупнымъ *капиталомъ* и ведущія при помощи этого капитала производство, либо живущія на приносимую капиталомъ ренту. Этихъ лицъ можно было бы назвать *крупными собственниками*. Крупный собственникъ, однако, изъ-за одного обладанія этой собственностью еще не буржуа. Буржуа ничуть не трогаетъ, когда какой-либо дворянинъ въ своемъ домѣ хвастаетъ своими предками или своими земельными имѣніями. Но тотъ же мѣщанинъ придетъ въ негодованіе и назоветъ

дворянина феодаломъ, если онъ станетъ стремиться къ исключительному въ государствѣ положенію въ силу своихъ предковъ или имѣній.

То же можно наблюдать и среди мѣщанства. Каждый крупный собственникъ имѣетъ полное законное и нравственное право наслаждаться у себя дома всѣмъ тѣмъ, что ему можетъ дать крупная собственность. Съ другой стороны, всякій рабочій, всякій мелкій собственникъ, не обладающій крупнымъ капиталомъ, имѣетъ право требовать, чтобы государство сдѣлало все, что возможно, для улучшенія бѣдственнаго положенія рабочаго класса, обезпечило ему достаточный и вѣрный заработокъ и возможность развиваться духовно, т.-е. создало для трудящагося человѣка существованіе, достойное вообще человѣка; право на подобныя требованія выступитъ еще ярче, если мы вспомнимъ, что именно руками рабочаго и мелкаго собственника создается то богатство, которымъ гордится цивилизація, тѣ продукты, безъ которыхъ общество не могло бы просуществовать и одного дня. Изъ того, однако, что рабочіе въ правѣ всего этого требовать отъ государства и стремиться къ удовлетворенію этихъ требованій, еще вовсе не слѣдуетъ, что рабочіе могутъ забывать, что *всякая собственность, разъ она была пріобрѣтена честнымъ путемъ, законна и неприкосновенна.*

Иначе обстоитъ дѣло, если собственникъ не удовлетворится фактическими преимуществами, доставляемыми ему обладаніемъ крупной собственностью, а пожелаетъ на томъ основаніи, что онъ обладаетъ крупнымъ *капиталомъ*, принимать участіе въ государственной власти; этимъ самымъ онъ хочетъ стать въ положеніе привилегированнаго сословія и возвести въ правовой принципъ политическаго господства вмѣсто прежняго землевладѣнія владѣніе капиталомъ; въ этомъ случаѣ крупный собственникъ вполнѣ уподобляется прежнему дворянину и стремится наложить на всѣ общественныя учрежденія отпечатокъ своей привилегіи совершенно такъ, какъ накладывало отпечатокъ своей привилегіи—*землевладѣнія*—въ средніе вѣка дворянство. Крупный собственникъ, слѣдующій изложенной политической программѣ, является представителемъ того класса, который я называю *буржуазіей*.

Выказало ли себя въ этомъ смыслѣ буржуазіей третье сословіе, достигшее власти при помощи революціи? Желало ли

оно подчинить и подчинило ли на самомъ дѣлѣ народъ привилегированному господству капитала?

Историческіе факты даютъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, и отвѣтъ вполнѣ убѣдительный. Бѣглаго обзора этихъ фактовъ будетъ для насъ вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, что отвѣтъ получается *утвердительный*.

Первая конституція, созданная французской революціей, конституція 3-го сентября 1791 года различаетъ (глава первая, отдѣлы первый и второй) гражданъ активныхъ, citoyen actif, и пассивныхъ, citoyen passif. Избирательныя права получили только активные граждане, а таковыми конституція признала только тѣхъ, кто платитъ прямой государственный налогъ въ опредѣленномъ размѣрѣ.

Размѣръ налога былъ установленъ, правда, довольно скромный; онъ долженъ былъ равняться стоимости трехъ рабочихъ дней; если мы примемъ стоимость рабочаго дня въ 10 зильберграшей, то налогъ, такимъ образомъ, равнялся одному талеру или около рубля. Ограниченіе въ избирательныхъ правахъ усиливалось зато съ другой стороны тѣмъ, что въ число пассивныхъ, не пользующихся избирательными правами гражданъ, были включены всѣ служащіе *за плату;* этимъ постановленіемъ, такимъ образомъ, былъ лишенъ избирательныхъ правъ весь рабочій классъ. Вообще въ подобнаго рода вопросахъ важны не подробности, а важенъ принципъ, важенъ, слѣдовательно, тотъ фактъ, что въ конституцію былъ введенъ цензъ, что условіемъ участія въ избраніи государственной власти, въ осуществленіи важнѣйшаго изъ всѣхъ политическихъ правъ, права избирательнаго, была поставлена опредѣленнаго размѣра собственность.

Всѣ, кто не платилъ указаннаго прямого налога, платилъ его въ меньшемъ размѣрѣ или былъ наемнымъ рабочимъ, были устранены отъ участія въ управленіи государствомъ и превращены въ подчиненную, безправную массу. Буржуазная собственность, *капиталъ*, стала условіемъ государственной власти, замѣнила въ этомъ смыслѣ дворянскую собственность или *землевладѣніе* среднихъ вѣковъ.

Принципъ ценза былъ введенъ революціей, и онъ удержался и служилъ исходнымъ пунктомъ для установленія избирательныхъ правъ всѣхъ конституцій, получившихъ свое начало отъ первой французской революціи; только республика 1793 года, просуществовавшая вслѣдствіе неопредѣленности своихъ руко-

водящихъ началъ и въ силу общаго строя тогдашняго общества чрезвычайно недолго, этимъ принципомъ, принципомъ ценза, не пользовалась. И чѣмъ дальше, тѣмъ принципъ ценза проводился все съ большей силой.

По конституціи 1814 года, принятой Людовикомъ восемнадцатымъ, избирательное право предоставлялось тому, кто платилъ прямой налогъ въ размѣрѣ 300 франковъ (около 120 рублей); это вмѣсто старой стоимости трехъ рабочихъ дней или, слѣдовательно, вмѣсто прежняго рубля. Іюльская революція 1830 года уничтожила эту конституцію, но тѣмъ не менѣе закономъ 19 апрѣля 1831 условіемъ участія въ выборахъ былъ поставленъ прямой налогъ въ 200 франковъ, что составляло все-таки около 80 руб.

При Людовикѣ Филиппѣ и Гизо «страной, принимаемой закономъ во вниманіе» (pays legal), называлась «страна» съ минимумъ 200,000 взрослыхъ мужчинъ. Въ Франціи съ 30-милліоннымъ населеніемъ, такимъ образомъ, нашлось всего 200,000 избирателей, обладавшихъ достаточною собственностью, и эта небольшая группа людей получила господство надъ всѣми остальными.

Не всегда принципъ ценза проводился въ такой *прямой и открытой* формѣ (устраненіе лишенныхъ собственности отъ избирательнаго права), какъ въ указанныхъ нами конституціяхъ; въ нѣкоторыхъ актахъ и установленіяхъ онъ оказывается такъ или иначе *замаскированнымъ*, но это нисколько не измѣняетъ дѣла, и дѣйствіе этого принципа остается въ полной силѣ.

Вторая республика въ 1850 году не посмѣла прямо взять обратно ранѣе торжественно и открыто провозглашенный принципъ всеобщаго и прямого избирательнаго права, о которомъ мы будемъ говорить дальше. Но она нашла другой выходъ и закономъ 31 мая 1850 года дала избирательное право только тѣмъ гражданамъ, которые въ данной мѣстности прожили подрядъ три года. Законъ этотъ былъ направленъ прямо противъ рабочаго класса и въ этомъ отношеніи былъ очень дѣйствительнымъ; во Франціи именно рабочіе часто бываютъ вынуждены мѣнять свое мѣстожительство, ища работы въ различныхъ городахъ и областяхъ, и большинство изъ нихъ, не могшее представить доказательствъ трехлѣтняго безотлучнаго пребыванія въ одномъ и томъ же мѣстѣ, оказалось совершенно

лишеннымъ избирательнаго права. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ же цензомъ, но только замаскированнымъ.

Еще хуже дѣло обстоитъ въ Пруссіи со времени закона о трехклассныхъ выборахъ; по этому закону, смотря по мѣстности, 3, 10, 30 и даже больше неимущихъ избирателей третьяго класса коллективно пользуются тѣмъ избирательнымъ правомъ, которое принадлежитъ единолично каждому крупному буржуа, каждому капиталисту, относящемуся къ первому классу избирателей. Если поэтому принять, что отношеніе лицъ перваго класса и третьяго будетъ въ среднемъ равно 1 : 10, то окажется, что девять десятыхъ пользовавшихся избирательнымъ правомъ по закону 1848 года утратили его въ 1849 году, и теперь принуждены довольствоваться одной только иллюзіей избирательнаго права.

На дѣлѣ отношеніе это будетъ еще хуже, и я попробую показать вамъ это на нѣсколькихъ взятыхъ изъ оффиціальныхъ источниковъ цифрахъ.

Всеобщее избирательное право было введено въ 1848 году, и имъ могло пользоваться 3.661.993 избирателя. Законъ 30 мая 1849 года, лишивъ избирательнаго права всѣхъ не имѣющихъ постояннаго мѣстожительства и всѣхъ получающихъ пособіе на бѣдность, сократилъ число первоначальныхъ выборщиковъ до 3.255.703, т.-е. 406.000 человѣкъ было лишено избирательнаго права. Но на этомъ ограниченіе не остановилось. Пользующіеся по новому закону избирательнымъ правомъ 3.255.703 выборщика распредѣляются на три класса; по этому распредѣленію на основаніи оффиціальныхъ данныхъ 153.808 избирателей относится къ первому классу, 409.945 ко второму и 2.691.950 къ третьему.

Оставляя совершенно въ сторонѣ второй классъ и сравнивая между собою только классы первый и третій, крупныхъ собственниковъ и бѣдняковъ, мы видимъ, что 153.808 богачей пользуются такимъ же числомъ избирательныхъ голосовъ, что и 2.691.950 бѣдняковъ, преимущественно рабочихъ и крестьянъ. Иными словами, одинъ капиталистъ пользуется такимъ точно избирательнымъ правомъ, какъ 17 неимущихъ членовъ того же государства.

Такимъ образомъ, въ настоящее время 16 изъ 17 рабочихъ и мелкихъ собственниковъ лишены того избирательнаго права, которымъ они по закону 8 апрѣля 1848 года могли пользоваться совершенно наравнѣ съ богатыми. Но это,

м. г., только среднее отношеніе; въ дѣйствительности въ нѣкоторыхъ округахъ отношеніе еще болѣе неблагопріятно для интересовъ неимущихъ классовъ. Въ Дюссельдорфскомъ избирательномъ округѣ, напр., на 6.356 избирателей перваго класса приходится 166.300 избирателей третьяго класса; здѣсь, слѣдовательно, только группа изъ 26 бѣдняковъ пользуется равнымъ голосомъ съ однимъ капиталистомъ.

Возвратимся, однако, къ главному предмету нашего изслѣдованія. Мы въ достаточной степени уже показали и еще яснѣе, надѣемся, покажемъ въ послѣдующемъ, что буржуазія, ставъ при помощи революціи господствующимъ классомъ, ввела въ укладъ государственныхъ учрежденій основнымъ принципомъ ей *одной свойственный элементъ*, буржуазную собственность или *капиталъ*. Буржуазія въ этомъ отношеніи оказалась совершенно такой же, какъ дворянство среднихъ вѣковъ, съ тою разницей, что дворянство накладывало на всѣ общественныя учрежденія свойственныя ему особенности, свои привилегіи, свой специфическій принципъ, состоящій въ обладаніи земельной собственностью, а буржуазія замѣнила этотъ принципъ *своимъ*, не менѣе исключительнымъ и специфическимъ, принципомъ буржуазной или капиталистической собственности. Между дворянствомъ и буржуазіей въ этомъ отношеніи существуетъ полнѣйшая аналогія. Мы уже прослѣдили эту аналогію на примѣрѣ важнѣйшаго фундаментальнаго пункта, именно государственнаго строя. Въ средніе вѣка правомъ представительства въ имперскихъ сеймахъ пользовались землевладѣльцы, землевладѣніе было господствующимъ принципомъ, допускавшимъ до участія въ управленіи государствомъ. Теперь право выбора въ законодательныя камеры, а, слѣдовательно, и участія въ государственной власти, опредѣляется размѣромъ платимаго при той или иной формѣ открытаго или замаскированнаго ценза налога, т.-е. въ концѣ концовъ, имѣя въ виду, что размѣръ налога опредѣляется величиной принадлежащаго данному лицу капитала, обладаніемъ извѣстной величины *капиталомъ*.

То же можно сказать и относительно всѣхъ другихъ учрежденій, въ которыхъ, какъ я старался показать, въ средніе вѣка господствующимъ принципомъ явилось *землевладѣніе*.

Я указывалъ уже, что дворянское сословіе въ средніе вѣка было совершенно свободно отъ податей, и утверждалъ, что всякое господствующее, привилегированное сословіе по-

стоянно и всегда стремится сложить на классы неимущіе и угнетенные все бремя поддержанія общественнаго благоустройства.

Буржуазія и въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ дворянства. Правда, она не желаетъ открыто признаться, что стремится избавиться отъ платежа налоговъ; больше того: она принципіально признаетъ справедливымъ, чтобы всякій платилъ налоги сообразно и соразмѣрно своимъ доходамъ, но на дѣлѣ она достигаетъ того же, что и дворянство, т.-е. перенесенія всей тяжести государственныхъ расходовъ на неимущіе классы, благодаря существенной разницѣ между налогами прямыми и косвенными.

Подъ прямыми налогами мы понимаемъ такіе, которые взимаются съ дохода и опредѣляются въ концѣ концовъ размѣромъ обладаемаго капитала; таковымъ является классифицированный подоходный или классный налогъ. Косвенными же налогами являются такіе, которыми облагаются тѣ или иные предметы потребленія, напр., соль, хлѣбъ, пиво, мясо, топливо или извѣстнаго рода дѣйствія, связанныя съ защитой своихъ правъ,—судебныя издержки, гербовая бумага и т. п.; этого рода налоги зачастую удорожаютъ цѣну на извѣстнаго рода продукты, и потребитель, покупая нужный ему предметъ по повышенной цѣнѣ, часто вовсе не подозрѣваетъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ извѣстный *налогъ* и что именно этотъ въ пользу государства налогъ удорожаетъ цѣну продукта.

Но само собой понятно, что человѣкъ, хотя онъ и богаче другого въ 20, 50 или 100 разъ, вовсе не въ 20, 50 или 100 разъ больше его съѣдаетъ соли, мяса или хлѣба, не въ 20, 50 или 100 разъ больше выпиваетъ пива или вина и не въ столько же разъ больше нуждается въ теплѣ, а, слѣдовательно, потребляетъ топлива.

Всѣ *косвенные* налоги, такимъ образомъ, распредѣляются между отдѣльными лицами далеко не пропорціонально ихъ доходу и капиталу; напротивъ того, наибольшая часть ихъ уплачивается классами неимущими. Правда, косвенные налоги не являются изобрѣтеніемъ буржуазіи они существовали до ея господства, но только буржуазія возвела ихъ въ стройную *систему* и на нихъ перенесла всю тяжесть удовлетворенія всѣхъ потребностей государства.

Выставленное положеніе легко доказать разсмотрѣніемъ прусскаго государственнаго бюджета на 1855 годъ.

Общая сумма государственныхъ доходовъ опредѣлена въ этомъ году въ круглыхъ числахъ въ 108.930.000 талеровъ. 11.967.000 талеровъ получается какъ доходъ съ государственныхъ земель и лѣсовъ, и эту сумму мы изъ общаго дохода исключимъ. Остается около 97 милліоновъ дохода отъ разнаго рода налоговъ. Считается, что 26 милл. изъ этихъ доходовъ поступаютъ въ видѣ *прямыхъ* налоговъ; но это на самомъ дѣлѣ невѣрно, ибо составители бюджета классифицируютъ налоги исключительно по внѣшнимъ признакамъ, не вдумываясь въ ихъ внутренній смыслъ. Поземельный налогъ, напр., хотя и взимается непосредственно съ землевладѣльцевъ, перекладывается ими на цѣну хлѣба и уплачивается, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ не производителями, а потребителями хлѣба; этотъ налогъ несомнѣнно по своей сущности является налогомъ косвеннымъ и какъ таковой долженъ быть исключенъ изъ 26 нами упомянутыхъ милліоновъ. По тѣмъ же самымъ соображеніямъ подлежитъ исключенію также и промысловый налогъ.

Прямыхъ налоговъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова поступаетъ въ доходъ казны всего 12.848.000 талеровъ, и они распредѣляются такъ: 2.928.000 талеровъ классифицированнаго подоходнаго налога, 7.884.000 тал. классоваго налога и 2.036.000 тал. налога со ввода во владѣніе.

Итакъ, м. г., изъ 97 милліоновъ талеровъ государственнаго дохода только 12.800.000 даютъ дѣйствительно прямые налоги. Всѣ остальные источники государственнаго дохода носятъ характеръ налоговъ косвенныхъ.

Косвенные налоги, м. г., являются тѣмъ средствомъ, при помощи котораго буржуазія осуществляетъ свободу отъ податей крупнаго капитала, и она, пользуясь такой привилегіей, сваливаетъ бремя расходовъ на содержаніе государства на бѣднѣйшіе классы общества.

Мнѣ особенно хотѣлось бы подчеркнуть при этомъ одно странное противорѣчіе и вопіющую несправедливость: удовлетвореніе всѣхъ государственныхъ потребностей производится на счетъ косвенныхъ налоговъ, а, слѣдовательно, ложится всею тяжестью на бѣдный, неимущій классъ населенія, условіемъ же обладанія избирательнымъ правомъ, т.-е. правомъ участія въ государственномъ управленіи, являются налоги прямые, тѣ налоги, которые въ количествѣ 12 милліоновъ являются незначительной частью всего государственнаго бюджета въ 108 милліоновъ.

Вы, можетъ быть, припомните далѣе, м. г., что, говоря о средневѣковомъ дворянствѣ, я сказалъ, что оно считало ниже своего достоинства всѣ занятія третьяго сословія и промышленность клеймило презрѣніемъ.

То же самое происходитъ и теперь. Правда, трудъ, *какого бы онъ рода ни былъ*, пользуется теперь одинаковымъ уваженіемъ и таковое оказывается милліонеру, хотя бы онъ свои милліоны нажилъ собираніемъ тряпокъ или чисткой выгребныхъ ямъ, но,—и это, къ крайнему сожалѣнію, извѣстно вамъ уже не изъ моихъ словъ, а изъ повседневной окружающей васъ жизни,—общество съ презрѣніемъ отворачивается отъ тѣхъ, кто, несмотря на самый каторжный трудъ, не сумѣлъ накопить капитала, пріобрѣсти собственности.

Буржуазія въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ проводитъ господство своей привилегіи съ еще большей послѣдовательностью и безпощадностью, чѣмъ это дѣлало дворянство въ эпоху среднихъ вѣковъ.

Общественное мнѣніе въ средніе вѣка находилось подъ опекой духовенства. Теперь роль духовенства въ этомъ отношеніи стала играть газета. Однако, веденіе ежедневной газеты, какъ во Франціи, такъ и у насъ и во всѣхъ другихъ странахъ, стоило не мало главнымъ образомъ въ виду требуемаго для полученія права на изданіе *залога* и въ виду различныхъ взимаемыхъ съ газетъ *налоговъ;* издавать ежедневную газету можно только обладая значительнымъ капиталомъ; такимъ образомъ, въ настоящее время привилегія вліять на *общественное мнѣніе,* просвѣщать его и руководить имъ принадлежитъ въ полной мѣрѣ капиталу, и капиталу крупному. Иначе, м. г., мы имѣли бы совершенно другого направленія и несравненно лучшія газеты.

Интересно при этомъ отмѣтить, что стремленіе буржуазіи сдѣлать прессу исключительно своимъ орудіемъ, сдѣлать ее привилегіей капитала проявилось очень рано и въ весьма грубой и откровенной формѣ. Уже въ первые дни по взятіи Бастиліи, а именно 24 іюня 1789 года, буржуазія, только-что добравшаяся до политической власти, издала постановленіе, по которому содержатели типографій подвергались отвѣтственности за напечатаніе листковъ и брошюръ авторовъ, не имѣвшихъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію. Только-что была достигнута свобода печати, и ее дѣлали удѣломъ только писателей, матеріально обезпеченныхъ. Обладаніе собственностью

оказалось условіемъ свободы печати и гарантіей нравственности писателя. Эта наивность первыхъ дней господства буржуазіи затѣмъ перешла въ болѣе скрытую форму, въ форму различныхъ залоговъ и налоговъ.

Полагаю, что этихъ фактовъ, какъ особенно крупныхъ и характерныхъ, совершенно довольно, чтобы показать аналогію того, что происходило послѣ революціи съ явленіями эпохи среднихъ вѣковъ.

Такимъ образомъ, мы обозрѣли два періода всемірной исторіи: въ каждомъ изъ нихъ господствуетъ идея одного, опредѣленнаго сословія, и это сословіе налагаетъ *свой* отпечатокъ на всѣ учрежденія данной эпохи.

Мы видѣли, что принципомъ среднихъ вѣковъ являлось *землевладѣніе;* оно воплощало идею дворянства и отражалось на всемъ современномъ укладѣ общества. Періодъ господства этой идеи закончился вмѣстѣ съ французской революціей, но еще и теперь кое-гдѣ, въ особенности въ Германіи, гдѣ переворотъ былъ совершенъ не самимъ народомъ, а подъ вліяніемъ вѣянія времени, противъ желанія и потому неполно и несовершенно, правительствомъ, не трудно найти многочисленные и важные пережитки этого періода, и они въ значительной степени стѣсняютъ развитіе буржуазіи.

Далѣе мы изслѣдовали историческій періодъ, начало которому было положено французской революціей въ концѣ восемнадцатаго столѣтія; въ этомъ періодѣ основнымъ началомъ является крупная буржуазная собственность или *капиталъ.* Капиталъ теперь превращается въ привилегію, обусловливающую участіе въ государственномъ управленіи, и эта привилегія отразилась на всемъ общественномъ укладѣ.

Однако, м. г., и этотъ періодъ, какъ ни мало это замѣтно при поверхностномъ взглядѣ, уже внутренно покончилъ свое существованіе. 25 февраля 1848 года вспыхнула заря новаго историческаго періода. Въ этотъ день во Франціи, въ этой странѣ, идущей впереди другихъ по пути прогресса, странѣ, гдѣ побѣды и пораженія свободы по мѣрѣ движенія впередъ исполинской внутренней общественной борьбы обозначаютъ побѣды и пораженія для всего міра, вспыхнула новая революція, призвавшая въ составъ временнаго правительства рабочихъ, поставившая на первый планъ государственныхъ заботъ улучшеніе участи рабочаго класса и провозгласившая всеобщее и прямое избирательное право, по которому каждый

гражданинъ, разъ онъ совершеннолѣтенъ, внѣ всякой зависимости отъ имущественнаго положенія, получаетъ право участія въ государственной власти, въ опредѣленіи государственной цѣли и воли.

Если революція 1789 года была революціей *третьяго* сословія, то въ новую революцію на первый планъ выступаетъ уже сословіе *четвертое*; оно стремится сдѣлать свой принципъ господствующимъ принципомъ всего общества, оно старается ввести его во всѣ государственныя установленія. Это четвертое сословіе существовало и раньше, но въ 1789 году оно было еще поглощено въ нѣдрахъ третьяго сословія.

Четвертое сословіе, однако, въ своемъ господствѣ имѣетъ одну характерную черту, одно бросающееся въ глаза отличіе большой важности. Сословіе это по своему общественному положенію ниже всѣхъ остальныхъ; это совершенно обездоленный классъ людей, не могущихъ выдвинуть *никакого* исключительнаго условія юридическаго или матеріалистическаго; сословіе это не обладаетъ ни знатными предками дворянъ или ихъ земельной собственностью, ни капиталомъ буржуазіи, словомъ—не обладаетъ ни однимъ изъ факторовъ, которые могли бы послужить для созданія классовыхъ привилегій и наложили бы отпечатокъ на общественныя учрежденія эпохи господства четвертаго сословія.

Всѣ мы постолько, посколько стремимся быть полезными обществу, работники, и поэтому-то четвертое сословіе, лишенное даже въ зародышѣ сословныхъ привилегій, можно съ полнымъ правомъ отождествить со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Дѣло *четвертаго* сословіи по истинѣ дѣло *всего человѣчества*, *его* свобода есть *общечеловѣческая* свобода, а *его* господство есть истинное господство *всѣхъ*.

Провозглашая идею рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества, мы вовсе не призываемъ этимъ къ раздѣленію и борьбѣ классовъ. Наоборотъ, въ этомъ провозглашеніи скрывается скорѣе призывъ всего общества къ примиренію, къ уравненію всѣхъ сословій, къ *единенію*, которое должно соединить всѣхъ, кто не сочувствуетъ угнетенію народа привилегированными классами. Это призывъ къ любви, можетъ быть, случайно сначала вырвавшійся изъ глубины человѣческаго сердца, но теперь ставшій лозунгомъ народа и остающійся навѣки его истиннымъ лозунгомъ и призывомъ *къ любви* въ силу своего смысла даже тогда, когда онъ стано-

вится въ моментъ борьбы за освобожденіе боевымъ призывомъ.

Принципъ рабочаго класса въ качествѣ основного общественнаго принципа мы должны разсмотрѣть съ трехъ сторонъ: со стороны средствъ къ его дѣйствительному осуществленію, со стороны внутренняго нравственнаго смысла и со стороны вытекающаго изъ него пониманія политической цѣли государственнаго уклада.

Только этихъ сторонъ вопроса, да и то за неимѣніемъ времени, очень бѣгло, мы имѣемъ возможность коснуться.

Средствомъ проведенія въ жизнь упомянутаго принципа является знакомое намъ всеобщее и *прямое* избирательное право. Я упираю на то, что избирательное право для этого должно быть именно *прямое* и всеобщее, а не только всеобщее, какъ это было въ 1848 году. Двухстепенные выборы, т.-е. такіе, при которыхъ всѣ выбираютъ сначала выборщиковъ, а уже эти послѣдніе затѣмъ уполномоченныхъ представителей народа, всегда представляютъ собою не что иное, какъ искусственное средство, къ которому прибѣгаютъ для того, чтобы фальсифицировать волю народа.

Всеобщее и прямое избирательное право не обладаетъ магическимъ жезломъ, предохраняющимъ отъ всякаго рода минутныхъ ошибокъ, но оно само исправляетъ мало-по-малу тѣ ошибки, которыя получились отъ неудачнаго имъ пользованія. Въ немъ мы имѣемъ оружіе, и наносящее раны, и ихъ исцѣляющее. При примѣненіи всеобщаго равнаго избирательнаго права невозможно, чтобы выбранные представители не стали въ концѣ концовъ истиннымъ и вѣрнымъ отголоскомъ выбравшаго ихъ народа. Во всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ народъ долженъ главнѣе всего видѣть свое важнѣйшее политическое оружіе, это избирательное право считать основнымъ и самымъ важнымъ изъ своихъ политическихъ требованій.

Каково, однако, внутреннее, такъ сказать, нравственное значеніе разсматриваемаго нами историческаго принципа? Не опасна ли и не безнравственна ли мысль отождествлять господствующій принципъ всего государственнаго строя съ принципомъ *самыхъ низшихъ* его классовъ, не угрожаетъ ли это гибелью нравственности и просвѣщенію подъ напоромъ «новѣйшаго варварства»? Подобная мысль въ наше время вполнѣ могла бы быть высказанной, ибо нынѣ при помощи газетъ

капиталъ и крупная буржуазія оказываютъ серьезное вліяніе на общественное мнѣніе.

Подобное сужденіе есть не что иное, однако, какъ предразсудокъ. Не трудно доказать, что принципъ четвертаго сословія являетъ собой величайшій прогрессъ и тріумфъ нравственности, какой когда-либо знала всемірная исторія. Являясь предразсудкомъ, сужденіе это въ то же время предразсудокъ именно нашего времени, того времени, когда господствующимъ началомъ общественнаго уклада являются въ томъ или иномъ видѣ выраженныя привилегіи.

Во времена французской республики 1793 года, той республики, о которой, какъ я уже говорилъ, я не имѣю возможности распространяться подробно, и которая, какъ я опять-таки упоминалъ, погибла изъ-за смутности своихъ идеаловъ, господствовалъ предразсудокъ какъ разъ противоположнаго характера. Считалось за непогрѣшимую истину, что высшіе классы общества безнравственны и испорчены, а простой народъ нравственеиъ и добръ. Такое воззрѣніе, будучи высказано впервые Руссо, вошло въ декларацію правъ человѣка, изданную конвентомъ, могучимъ учредительнымъ собраніемъ Франціи. Высказано оно было въ параграфѣ 19, гласившемъ: «всякое установленіе, не имѣющее въ основѣ своей положенія—народъ добръ, а власти подкупны—порочно»... Эта сентенція является прямой противоположностью того непремѣннаго и благодушнаго довѣрія къ властямъ, которое требуется отъ насъ нынѣ и на основаніи котораго мы должны, подъ страхомъ совершить крупнѣйшее преступленіе, не высказывать сомнѣнія въ честныхъ намѣреніяхъ и добродѣтельности властей и видѣть въ народѣ какое-то исчадіе крокодила и собраніе всѣхъ пороковъ.

Высказанный Руссо афоризмъ въ свое время считался такой непреложной истиной, что всякаго носившаго сюртукъ именно изъ-за его одежды уже считали подозрительнымъ и преступнымъ; добродѣтель, честность и патріотическая нравственность казались присущими исключительно плохо одѣтымъ. Это было время торжества санкюлотовъ. Разбираемое нами воззрѣніе крайнее, но въ основѣ его лежитъ истина, принявшая только ложную, испорченную форму. Нѣтъ ничего опаснѣе истины, такъ извращенной: будемъ ли мы ее понимать въ этой ложной формѣ, будемъ ли мы ее изъ-за этой формы вовсе отбрасывать,—мы будемъ поступать одинаково неудачно.

Въ первомъ случаѣ,—т.-е. если мы примемъ истину въ ея ложной формѣ, она можетъ вызвать такіе вредныя послѣдствія, какія были порождены, напр., только-что нами упоминавшимся санкюлотизмомъ. Во второмъ случаѣ мы, вовсе отбрасывая истину, можемъ зачастую закрыть себѣ путь къ пониманію всего хода прогресса современной государственной жизни и даже препятствовать самому этому прогрессу.

Мы не можемъ, такимъ образомъ, ни принимать истину въ извращенной формѣ, ни вовсе ее изъ-за формы отбрасывать; мы должны отбросить только одну форму и уяснить истинное значеніе голой очищенной истины.

Въ настоящее время общественное мнѣніе склонно признавать все вышеприведенное положеніе ложнымъ и считать его бравадой со стороны Руссо и французской революціи. Однако, то же положеніе было высказано и однимъ изъ величайшихъ нѣмецкихъ мыслителей, однимъ изъ величайшихъ философовъ всѣхъ временъ и народовъ, а именно Фихте; заподозрить его, какъ Руссо и французскую революцію, въ бравадѣ уже нѣтъ никакой возможности.

Фихте ясно и опредѣленно говоритъ, что чѣмъ выше стоитъ то или другое сословіе, тѣмъ сильнѣе его нравственная испорченность; «испорченность пропорціональна высотѣ положенія даннаго сословія»—вотъ подлинныя слова Фихте.

Но въ чемъ же истинная причина такого положенія, этого не выясняетъ и Фихте.

Онъ считаетъ причиной испорченности эгоизмъ и своекорыстіе высшаго сословія. Но развѣ эти свойства не присущи и низшимъ классамъ; почему ихъ будетъ тамъ меньше? Съ перваго взгляда должно даже показаться противорѣчіемъ, что низшіе классы обладаютъ меньшимъ своекорыстіемъ, чѣмъ высшіе, ибо эти послѣдніе находятся, обладая въ полной мѣрѣ всѣми образовательными и воспитательными средствами, въ условіяхъ, болѣе благопріятныхъ для развитія истинной нравственности. Настоящая причина такого страннаго и сразу непонятнаго противорѣчія лежитъ въ слѣдующемъ.

Мы видѣли, что уже издавна развитіе народовъ и духъ исторіи имѣютъ тенденцію все больше и больше уничтожать тѣ привилегіи, которыми обусловливается первенствующее положеніе въ государствѣ высшихъ классовъ. Въ противоположность и противовѣсъ этому историческому ходу каждый членъ высшихъ классовъ изъ-за *личныхъ интересовъ* ста-

рается поддержать падающія привилегіи, стремится сохранить ихъ въ силѣ, если только особенно широкій кругозоръ его мысли не позволилъ ему отрѣшиться отъ собственныхъ, непосредственныхъ выгодъ и не отодвинулъ ихъ на задній планъ; но много ли людей съ такимъ широкимъ кругозоромъ,—они всегда составляли и составляютъ немногочисленныя исключенія. Вотъ это-то свойственное большинству членовъ высшихъ классовъ стремленіе къ сохраненію привилегій дѣлаетъ ихъ принципіальными и упорными *врагами* развитія народа, распространенія просвѣщенія, прогресса культуры, поднятія общаго духа общественной жизни и побѣдъ историческаго ея теченія.

Не что иное, какъ противорѣчіе между личными интересами высшихъ сословій и культурнымъ развитіемъ націй, вызываетъ непредотвратимую глубокую безнравственность высшихъ сословій. Понять это не трудно, стоитъ только представить себѣ, въ какихъ условіяхъ должна протекать повседневная жизнь высшихъ классовъ; условія эти таковы, что они не могутъ не вызвать глубокаго внутренняго паденія. Высшему сословію приходится вѣдь *вести* ежедневную непрестанную *борьбу* противъ всего высокаго, прекраснаго, *огорчаться* его побѣдами, *радоваться пораженіямъ*, *ставить препятствія* дальнѣйшимъ успѣхамъ, *стараться уничтожить* уже завоеванное.

Жизнь высшаго сословія протекаетъ все время какъ бы во вражескомъ станѣ, причемъ *врагомъ* является собственный *народъ*; своихъ настоящихъ чувствъ къ врагу при этомъ высшее сословіе проявить открыто не желаетъ, прячетъ ихъ подъ лицемѣрною внѣшностью и, хитро скрывая свою враждебность, исподтишка старается насолить народу какъ можно больше и какъ можно сильнѣе.

Все это приходится продѣлывать противъ голоса своей совѣсти, противъ разума и даже стремиться заглушить въ себѣ и совѣсть и разумъ, чтобы они не смущали душевнаго покоя, или вовсе ихъ не имѣть отъ рожденія и не видѣть высшаго идеала, какъ культъ собственной выгоды.

Такая жизнь не можетъ не повлечь за собою полнѣйшаго пренебреженія и презрѣнія ко всякому идейному побужденію, люди смѣются надъ самой возможностью имѣть идеалы, они безчувственно, а зачастую и съ отвращеніемъ относятся ко всему прекрасному и великому, у нихъ гибнутъ всѣ элементы нравственности и замѣняются одной, становящейся мало-по-

малу совершенно преобладающей жаждой своекорыстной выгоды и наживы, жаждой личнаго животнаго наслажденія.

У низшихъ классовъ общества, къ ихъ огромному счастью, подобнаго *противорѣчія* между личными интересами и культурнымъ развитіемъ всего народа совершенно не имѣется.

Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы у низшихъ классовъ совершенно отсутствовало всякое своекорыстное чувство; его еще значительно больше, чѣмъ слѣдуетъ, и у нихъ, но оно сохраняется тутъ, какъ порокъ *отдѣльныхъ личностей*, а вовсе не составляетъ характерной и неотъемлемой особенности цѣлаго класса.

Сознаніе собственной выгоды подсказываетъ членамъ обездоленныхъ классовъ, что, пока каждый изъ нихъ думаетъ и заботится только о себѣ самомъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ разсчитывать добиться сколько-нибудь существенныхъ улучшеній въ своемъ положеніи.

Разъ низшіе классы общества желаютъ улучшенія своего классоваго положенія, разъ они заботятся объ интересахъ всего своего *класса*,—ихъ *личный* интересъ уже не противорѣчитъ историческому прогрессу и не дѣлаетъ сословіе существенно безнравственнымъ: больше того—личный интересъ въ такомъ случаѣ по своему *направленію* вполнѣ совпадаетъ съ развитіемъ всего *народа*, съ побѣдой *передовыхъ идей*, съ прогрессомъ *культуры*, съ наиболѣе жизненнымъ принципомъ историческаго развитія, съ принципомъ, состоящимъ въ развитіи *свободы*. Дѣло низшаго класса становится, какъ мы уже указывали, дѣломъ всего *человѣчества*.

Вы, м. г., являетесь представителями четвертаго сословія и, какъ таковые, вы въ счастливомъ положеніи; вы не умерли для важнѣйшаго историческаго идеала, а, наоборотъ, въ силу вашихъ *личныхъ* интересовъ особенно къ нему воспріимчивы. Вашъ личный интересъ совпадаетъ съ бьющимся пульсомъ исторіи, со стремленіемъ къ животворящему нравственному принципу.

Стремитесь поэтому впередъ по избранному вами пути со всею силой вашей личной *страсти*, ваша нравственность вмѣстѣ съ нею будетъ прогрессировать, и вашъ нравственный обликъ будетъ становиться тѣмъ выше, чѣмъ ярче будетъ пылать эта *страсть*, истинный смыслъ которой мы старались вамъ здѣсь разъяснить.

Вотъ, м. г., по какимъ причинамъ господство въ государ-

ствѣ четвертаго сословія должно вызвать такой расцвѣтъ нравственности, культуры и науки, котораго еще не знала до сихъ поръ исторія.

Есть для такого прогресса и еще одна причина, тѣсно связанная со всѣми нами уже разобранными и являющаяся какъ бы ихъ главнѣйшимъ основаніемъ.

Четвертое сословіе имѣетъ, какъ мы знаемъ, совершенно иной противъ буржуазіи политическій принципъ; оно выдвигаетъ впередъ вмѣсто буржуазнаго ценза всеобщее, прямое избирательное право; оно имѣетъ, далѣе, въ силу своего положенія совершенно иное, чѣмъ высшія сословія, отношеніе къ нравственнымъ началамъ; наконецъ, оно, быть-можетъ, въ силу тѣхъ же условій, совершенно отлично отъ буржуазіи понимаетъ *цѣль* самого *государства*.

Для буржуазіи государственный укладъ жизни нуженъ только для того, чтобы обезпечить каждой отдѣльной личности безпрепятственное пользованіе ея собственными силами. Эта идея можетъ быть вполнѣ нравственной и совершенно насъ удовлетворила бы, если бы всѣ люди были одинаково ловки и сильны, одинаково хорошо образованы и обладали въ одинаковой степени богатствомъ. Но люди *не равны и не могутъ быть равны* во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, и потому буржуазная государственная мораль не достаточно широка и при послѣдовательномъ проведеніи приводитъ къ полной безнравственности; болѣе сильный и болѣе ловкій въ силу этой морали эксплоатируетъ болѣе слабаго и притѣсняетъ его, насколько только можетъ.

Рабочіе смотрятъ на значеніе государства иначе: въ немъ они видятъ не только свободное пользованіе каждаго своими собственными силами, но и *солидарность* интересовъ, *общее* и *дружное* стремленіе къ прогрессу; эти начала, по воззрѣніямъ рабочаго класса, должны быть нераздѣльны съ общежитіемъ, построеннымъ на моральныхъ началахъ.

Итакъ, буржуазія видитъ моральную цѣль государства только исключительно въ охранѣ личной свободы и собственности отдѣльныхъ членовъ государства. Это, м. г., идея городового,—государство является здѣсь именно какимъ-то городовымъ, все назначеніе котораго предупреждать разбой и воровство. Къ крайнему сожалѣнію, представленіе государства въ видѣ городового распространено не только между либералами, но даже между недальновидными мнимыми демократами.

Будь буржуазія вполнѣ послѣдовательна, она должна была бы признать, что государственный укладъ станетъ совершенно излишнимъ, если бы какимъ-либо образомъ совершенно перевелись воры и разбойники [1]).

Четвертое сословіе цѣль государственнаго уклада понимаетъ совершенно иначе. Оно стоитъ на истинной въ этомъ случаѣ точкѣ зрѣнія.

Исторія представляетъ собою борьбу съ природной нищетой, невѣжествомъ, безсиліемъ, со всякаго рода стѣсненіями, угнетавшими человѣческій родъ съ самой колыбели его существованія. Развитіе началъ свободы являетъ историческій прогрессъ, знаменуется все новыми и новыми побѣдами надъ перечисленными отрицательными факторами общественной жизни.

Въ этой борьбѣ мы могли имѣть успѣхъ и будемъ его имѣть въ будущемъ только потому, что не вели ее *единичными* усиліями *каждый въ отдѣльности*.

Функція государства и состоитъ главнымъ, если не исключительнымъ образомъ въ возможно полномъ осуществленіи принциповъ свободы, въ развитіи и поощреніи стремленія къ ней человѣчества.

Государство, объединяя въ себѣ отдѣльныхъ людей, даетъ объединеніе нравственное; оно въ милліоны разъ увеличиваетъ и силы *всѣхъ* своихъ сочленовъ во всей ихъ совокупности, и силы *каждаго* человѣка въ отдѣльности.

Цѣлью государственнаго уклада, такимъ образомъ, не можетъ быть охраненіе личной свободы и собственности отдѣльныхъ людей, которыми они, по буржуазному представленію, уже якобы обладаютъ при созданіи такого уклада; совсѣмъ

---

[1]) Государственная идея, уничтожающая государство по существу и превращающая его въ простое буржуазное сожительство, основанное на чисто эгоистическихъ интересахъ, является историческимъ продуктомъ и принадлежностью либерализма. Въ ней зачатки умственной и нравственной гибели, истинная опасность «новѣйшаго варварства». Въ Германіи, однако, по счастью, съ этой идеей успѣшно борются начатки античной культуры, ставшей непремѣнной основой истиннаго нѣмецкаго духа. Античная культура породила воззрѣніе, что понятіе о государствѣ должно быть сколь возможно широко, такъ, чтобы *государство стало учрежденіемъ, воплотившимъ въ себѣ всю добродѣтель человѣчества.* (Рѣчь А. Бека на университетскомъ юбилеѣ 22 марта 1862 года).

нѣтъ, цѣль установленія государственнаго уклада заключается именно въ томъ, чтобы, объединивъ отдѣльныхъ людей, дать имъ возможность общими силами подняться на такую ступень общественнаго строя, которой они не могли бы достичь, дѣйствуя каждый въ отдѣльности; государственный укладъ долженъ помочь отдѣльнымъ людямъ, соединеннымъ въ общество, подняться на такой уровень *просвѣщенія, свободы и могущества*, о которомъ они не смѣли и мечтать, оставаясь отдѣльными, не соединенными общей государственной идеей личностями.

Цѣль государственнаго уклада не можетъ состоять ни въ чемъ другомъ, какъ въ осуществленіи возможности для человѣка развиваться въ *положительную* сторону и постепенно *совершенствоваться*, т.-е. осуществлять истинное человѣческое предназначеніе, культуру въ наивысшей, доступной для человѣческаго рода формѣ; цѣль государственнаго уклада развивать въ человѣческомъ обществѣ *стремленіе и любовь къ свободѣ*.

Вотъ, м. г., истинное значеніе государственнаго уклада съ моральной стороны, вотъ его настоящая великая задача. Къ такой цѣли государственный укладъ шелъ въ большей или меньшей степени во всѣ времена въ *силу* жизненности лежащаго въ основаніи принципа, совершенно безсознательно и зачастую даже противъ желанія людей, стоявшихъ во главѣ общественнаго движенія.

Рабочему сословію и всѣмъ вообще низшимъ классамъ общества, имѣя въ виду то приниженное безвыходное положеніе, въ которомъ находятся отдѣльные составляющіе ихъ члены, присуще глубокое, инстинктивное пониманіе назначенія государственнаго уклада; люди эти инстинктивно понимаютъ, что назначеніе такого уклада есть и должно быть въ объединеніи отдѣльныхъ индивидуумовъ съ цѣлью облегченія имъ возможности подняться на такую ступень развитія, которой изолированно каждый своими силами достичь не въ состояніи.

Всѣ существовавшія до сихъ поръ государства, основанныя на привилегіяхъ высшихъ или среднихъ сословій, не признавали нравственной сущности идеи государства и осуществляли ее только безсознательно, противъ воли и желанія, вопреки противодѣйствію, въ силу естественнаго, непреклоннаго хода вещей и сочетанія обстоятельствъ; государство съ господствующей идеей рабочаго сословія, вполнѣ понятно, преслѣдовало бы ту

ке задачу добровольно и сознательно. Оно совершило бы цѣликомъ и послѣдовательно то, что до сихъ поръ другія государства проводили исключительно подъ давленіемъ обстоятельствъ, нерѣшительно и недоброжелательно. Взявъ иниціативу въ свои руки, подобное государство неизбѣжно вызвало бы высокій духовный подъемъ и такое развитіе общаго счастья, просвѣщенія, благосостоянія и свободы, примѣра которымъ не знаетъ всемірная исторія и въ сравненіи съ которыми поблѣднѣли бы самыя яркія общественныя явленія прежнихъ временъ. Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, останавливаться подробнѣе на связи такихъ послѣдствій съ вызвавшей ихъ причиной.

Вотъ, м. г., какъ понимаетъ значеніе государственнаго уклада рабочее сословіе; разница между государственной идеей рабочаго сословія и буржуазнымъ пониманіемъ цѣли государственнаго уклада ничуть не меньше разницы, существующей между принципомъ участія всѣхъ безъ исключенія гражданъ въ опредѣленіи воли государства, принципомъ всеобщаго избирательнаго права, составляющимъ непремѣнный идеалъ рабочаго сословія, и буржуазнымъ принципомъ, принципомъ ценза.

Рядъ идей, развитыхъ, м. г., передъ вами, составляютъ основу воззрѣній рабочаго сословія. Именно эту основную идею я имѣлъ въ виду, когда въ началѣ моего реферата говорилъ о связи нами переживаемаго періода исторіи съ идеей рабочаго класса. Именно нашему историческому періоду, начавшемуся съ достопамятныхъ февральскихъ дней 1848 года, выпало на долю осуществить эту идею государственнаго уклада; мы должны быть рады, что живемъ въ такую эпоху, которая несомнѣнно будетъ свидѣтельницей величайшихъ міровыхъ событій, мірового переустройства общества; мы сами имѣемъ возможность участвовать въ созидательной работѣ, споспѣшествуя побѣдоносному движенію прогресса.

Но изъ всего, что мы говорили, непремѣннымъ слѣдствіемъ является необходимость всему рабочему сословію, всѣмъ отдѣльнымъ его членамъ держаться одного, нами изложеннаго образа мыслей. Сознаніе, что сословію, къ которому принадлежишь, суждено стать господствующимъ, что оно и *только оно* возведетъ свой сословный принципъ въ принципъ общества цѣлой эпохи, что оно сдѣлаетъ руководящей для всего общества идею, составляющую неотъемлемую принадлежность этого сословія, и такимъ образомъ пересоздастъ его по своему образу и подобію,—

все это не можетъ не облагородить и отдѣльныхъ членовъ сословія и все сословіе и не придать ему особеннаго высоконравственнаго отпечатка.

Все ваше существо должно быть проникнуто сознаніемъ великой чести, выпавшей на вашу долю, сознаніемъ всемірно-исторической великой роли, вами играемой; вы должны теперь избавиться и оттолкнуть отъ себя и пороки униженныхъ и оскорбленныхъ, и праздныя развлеченія ни надъ чѣмъ не задумывающихся людей, и даже невинное легкомысліе ничтожества. Вы тотъ камень, на которомъ создается церковь настоящаго.

Высоко - нравственная строгость руководящаго принципа должна съ неумолимою исключительностью овладѣть вашимъ чувствомъ, наполнить вашу душу и сдѣлать всю вашу жизнь достойной этого принципа, пересоздать ее соотвѣтственно съ собой и увлечь за собою. Нравственная сторона принципа не должна никогда разставаться съ вами, она должна слиться съ вашимъ внутреннимъ „я“, быть передъ вами и въ мастерской за работой, и въ часы отдыха, на прогулкѣ, на собраніяхъ; она не должна покидать васъ даже тогда, когда вы ляжете на свое жесткое ложе для отдыха, и тутъ, пока сонъ не смежитъ вашихъ глазъ, идея эта должна наполнять вашу душу и занимать васъ.

Вдумывайтесь, старайтесь проникнуть въ смыслъ этой идеи, въ ея нравственное значеніе, и пусть она овладѣетъ душой вашей безраздѣльно. Чѣмъ пламеннѣе отнесетесь вы къ своей задачѣ, тѣмъ болѣе вы ускорите наступленіе господства истиннаго принципа переживаемаго историческаго періода, тѣмъ совершеннѣе и быстрѣе исполните свою миссію.

М. г., если бы сегодняшней моей рѣчью мнѣ удалось разжечь пламя этой идеи во всей ея глубинѣ, какъ я ее понимаю и какъ старался ее передать вамъ, лишь въ двоихъ или троихъ изъ васъ, я считалъ бы себя счастливымъ и щедро вознагражденнымъ за свой трудъ.

Откиньте, м. г., всякое малодушіе и сомнѣнія, которыя могло бы вызвать въ васъ недостаточно вдумчивое разсмотрѣніе историческихъ событій. Не думайте, напр., какъ это общепринято, что во Франціи республика была свергнута декабрьскимъ coup d'état 1851 года.

То учрежденіе, которое тогда во Франціи пало, не могло удержаться потому, что не было настоящей республикой; она,

Какъ я уже упоминалъ, закономъ 30 мая 1850 года уничтожила всеобщее избирательное право и ради лишенія большинства рабочихъ права голоса ввела замаскированный цензъ; это была республика буржуазіи, желавшей на республиканскій укладъ наложить свою печать, подчинить его власти капитала. Только подъ видомъ мнимаго возстановленія всеобщаго избирательнаго права французскому узурпатору удалось сломить республику; безъ этой декораціи она нашла бы непреодолимыхъ защитниковъ въ лицѣ многихъ тысячъ французскихъ рабочихъ.

Надо твердо помнить, что въ 1850 году была уничтожена не просто республика, а именно буржуазная республика. Этотъ примѣръ поэтому не только не противорѣчитъ нашимъ положеніямъ, но, при правильномъ освѣщеніи, подтверждаетъ данное нами для нынѣшняго періода, начинающагося февральскими днями 1848 года, освѣщеніе. Въ этомъ періодѣ становится все болѣе и болѣе невозможнымъ государство (безразлично монархическое или республиканское), желающее вновь наложить или удержать ранѣе существовавшую печать политическаго господства третьяго сословія.

Наука, м. г., позволяетъ подниматься на такія высоты, съ которыхъ утренняя заря новой жизни становится замѣтной значительно раньше, чѣмъ снизу, среди явленій повседневной жизни.

Приходилось ли вамъ, м. г., наблюдать когда-нибудь восходъ солнца съ вершины высокой горы?

Пурпурный отблескъ одѣваетъ края горизонта въ кроваво-красныя одежды; облака и туманъ въ предвѣстіи свѣта приходятъ въ движеніе, соединяются вмѣстѣ и спѣшатъ на встрѣчу утренней зарѣ, не пропуская первыхъ ея лучей; можетъ ли это, однако, можетъ ли какая-либо сила въ свѣтѣ задержать постепенный и величественный восходъ солнца? Оно взойдетъ, несмотря на кажущіяся препятствія, и всего черезъ какой-нибудь часъ засіяетъ на небѣ, всѣхъ освѣщая и согрѣвая. Часъ времени въ естественныхъ, ежедневно повторяющихся явленіяхъ природы это то же, что одно или два десятилѣтія для несравненно болѣе величественнаго восхода всемірно-историческаго солнца, проникнутаго новыми принципами свободы и равенства общественнаго уклада.

21 к.
10 руб
6385
9

Поступили въ продажу слѣдующія изданія В. Врублевскаго:

Бернштейнъ Эдуардъ.—Условія возможности соціализма и задачи соціалъ-демократіи. Спб. 1906, ц. 75 к.

Гейне Генрихъ.—Германія. Зимняя сказка (написана въ 1844 г.). Переводъ Заѣзжаго, просмотрѣнный И. С. Тургеневымъ и исправленный по его замѣчаніямъ. Спб. 1906 г., ц. 50 [illegible]

Дашкова Е. Р. Княг[illegible] Спб. 1906 г., ц. 1 р.

Екатерина II Импер[illegible] Сп[illegible] 1906 г., ц. 1 р.

Каутскій Карлъ.[illegible] Спб. 1906 г. ц. 50 к.

Кеннанъ Дж[illegible] изнь полити-чес[illegible] махъ.—Рус-[illegible] ская крѣ-[illegible]). Спб.

[illegible] ц.